
Наталья ПЕРСТНЁВА

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

О чем поговорить с тобой?
О смысле жизни? Смысле неба?
Ты заскучаешь, Боже мой.
Но есть бутылочка плацебо —

И в ней ни пользы, ни вреда,
Ни смысла тоже, слава богу.
Но открываешь иногда —
И видишь звездную дорогу.

А где-то в звездах дремлешь ты,
Презревший опыты и смыслы,
И борода на две версты
Над черепицами повисла.

Вот этот крайний завиток
Похож на гронку винограда...
А если лишним был глоток,
Прикрой — скажи, что так и надо.

ИМПРЕССИОНИЗМ

Как будто в церкви пела тишина,
Умылась светом улица нагая.
А это ведра полные луна
Расплескивала, рядом проплывая.

И лунный след, и легкость шардоне
(И перспективы утренней размытость) —
Все проходило кисточкой Моне
По лодочкам разгромленного быта.

И в общем-то, заглядывать к чему
За край того, что проплывет по ночи:
Мерцанье лилий, берега в дыму
И вечность, впечатления короче?

Наталья Викторовна Перстнёва родилась в Кишиневе. Окончила физический факультет Одесского государственного университета. Публиковалась в журналах «Нева», «Плавающий мост», «Дон», «Сибирские огни», «Топос», «45-я параллель», «Витражи». Живет в Одессе.

Потом, когда умолкнет тишина,
Покроется воронами картина,
Оставь немного музыки, война,
Для ласточки, поющей на руинах.

СПИ СКОРЕЙ

Мир, который только снится
Дни и ночи напролет.
В птице главное не птица,
В птице главное — полет.

Перья, косточки, сердечко...
И не спрашивай, дружок.
Кошка — это та же вечность.
В кошке главное прыжок.

Все пройдет, ночник потушат.
Сон как птица — спи скорей.
Это только наши души
Превращаются в людей.

Посмотреть, как солнце светит
И выходит в облака
Ветер — главное на свете —
Перелистывать века.

ЭТОТ ПОЕЗД

Говорю, что это сон,
Что ошибся кинозритель,
Сел в свихнувшийся вагон.
Машинист, остановите!
Этот поезд в никуда,
Этот поезд прямо в бездну.
Поправляет провода
Машинист рукой железной
На титановой груди.
Бьется сердце цифровое.
Ад остался позади,
Впереди совсем другое.
Цех нейроновых сетей,
Склад химических иллюзий.
Убежавший от чертей,
Пропадает шарик в лузе.
Загнан шарик на убой.
Этот поезд до конечной.
Машинист — почти живой
И в перчатке человечьей.

ДВОЕ В КОМНАТЕ

И вот остались мы вдвоем,
По В. В. М. вполне,
Бог на стене, и я при нем.
И красный гриб в окне.

Мы об искусстве говорим,
О смысле смысла нет.
О чем беседовать двоим,
Когда погаснет свет?

«Ты правда этого хотел?»
Он повторяет: «А ты?»
И губы, белые как мел,
Смеются с высоты.

«А может, ты уже не Бог
И никого здесь нет,
Создал — и большего не смог?» —
«А ты?» — сказал портрет.

ПРЕКРАСНАЯ ЛОЖЬ

Тот, кто жил здесь, тот умер давно.
Сочен день, как вишневая мякоть.
Повторяется дважды кино.
Отчего же так хочется плакать?

Покрываются сетью морщин
Юный месяц, сиреневый вечер,
Эти женщины этих мужчин,
Эти губы, улыбки и плечи.

Кто сказал, что известен финал? —
Все обман, волшебство и искусство.
Что Создатель создал, то создал,
Это слишком красиво и грустно.

С расстояния в тысячу лет
Ничего не изменится в парке.
Собирает Франческа букет,
Виноград пробегает по арке.

На картину случайно зайдешь,
Промелькнешь в проходном эпизоде.
И искусства прекрасная ложь
Повторит: «Ничего не проходит».

РУССКИЕ КНИЖКИ

Тут сказал он как друг: «Что-то с вами не так».
И напомнил мне вдруг вопросительный знак.

И печенье, и бочку варенья
Из советского произведенья.

И продал бы Плохиш, и купил Буржуин,
Только тайну свою не отдал ни один.

Так она и лежит под рукою,
Но консервным ножом не откроешь.

И момента вот этого ради
Перечту вас, товарищ Аркадий.

ЛУГОВОЙ

Был дворовой и домовой,
Дворовый — что-то вне закона,
И самый главный — луговой
С пером из шляпы лепрекона.

Стихотворенье ни о чем,
О том, что жизнь не прибывает,
И домовой не помнит дом,
И дворового не хватает.

Ну, шляпа так себе картуз,
Да и перо домашней птицы.
Но как забытой жизни вкус
По слову может возвратиться —

А третий, этот с ноготок,
Наобещавший без зазренья...
Не оставляй меня, сверчок,
Не доводи до преступленья.

И ты катаешь языком
Комок из чистого пломбира.
И детство ходит босиком,
Не уходящее из мира.

Не выворачивай карман,
Посыплются труха и стружка.
Тем более когда ты пьян.
Тем более стихи и душу.

* * *

Звучала музыка без слов,
То был язык нечеловечий.
И мы вставали из гробов
И расправляли гордо плечи.

Как будто возвращались в строй
И возвращали веру жизни,
Служили родине одной
И были званными в Отчизне.

ПЕПЕЛ

Привязался бездомный мотив
И тащился за мной по пятам.
«Так и так, — говорил, — по пути.
Все дороги ведут в никуда».

И скулил, и хватал за рукав,
И заглядывал робко в глаза.

Был он слишком мазов и кудряв
Для свободно живущего пса.

И, не веря ни в Бога ни в Рим,
Никуда бы мы с ним не дошли.
А дорога лежала в пыли.
И вот тут расходилось с моим

Все его «никуда» каждый раз.
И сгоревший Иерусалим
Не стучал в него, как Клаас.

ЛОРЕЛЕЯ

Где-то есть этот город и есть этот дом,
Человек у окна и метель за окном.
Близорукий старик — словно пепел и дым, —
Я не знала его никогда молодым.

День и ночь у окна он не гасит огня,
Где бы я ни была, он глядит на меня.
И белесые губы, немея,
Повторяют в бреду: «Лорелея».

Он придумал меня на речном берегу,
Но замерзла река, и деревья в снегу —
В божьем воске отлитые цапли.
Чье-то время стекает по капле...

Он его собирает в большие снега,
Простыню расстилает на все берега,
И приходит к нему Лорелея,
Все прозрачнее и ледянее.

Как старик постарел, не увидит она,
Только пепел и дым, и на небе луна
Облака распахнула мальчишке.

Он обнимет немецкую книжку
И уснет у слепого окна.